

УДК 94:332. 12 (470.345)

СИСТЕМА ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В МОРДОВСКОМ КРАЕ В XVII В.

Лезина Е.П.

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», Саранск, Россия (430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68) ellezina@yandex.ru

В статье анализируются документы XVII в. по организации государственной службы в городах и уездах Мордовского края, содержащиеся в Российском государственном архиве древних актов, рукописном фонде Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Полном собрании законов Российской империи, Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии. Показано изменение системы и характера воеводского управления на протяжении XVII в. на основании наказов, даваемых приказом Казанского дворца. Изучение местного управления позволяет говорить о достаточно разветвленной сети в нем приказных и выборных людей, не всегда подчиняющихся воеводе. Однако начавшаяся вскоре крестьянская война (1670–1671 гг.) и трудности борьбы с восставшими побудили царское правительство попытаться усилить централизацию и концентрацию власти. Воевода, таким образом, стал единственным представителем центральной власти в уезде.

Ключевые слова: воевода, местное управление, Среднее Поволжье, Темников, Инсар, Мордовский край, воеводская система управления

SYSTEM PROVINCIAL OFFICE IN THE MORDOVIA REGION IN THE XVII CENTURY

Lesina E.P.

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia (430005, Republic of Mordovia, Saransk, ul. Bolshevik, d. 68) ellezina@yandex.ru

The article analyzes the documents of the XVII century on the organization of the public service in the cities and counties of Mordovia region, held in the Russian State Archive of Ancient Acts, the manuscript collection of the Research Institute for the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, is known Tambov scientific archival commission. The change of the system and the nature of Provincial Office during the XVII century on the basis of mandates given by the Order of the Kazan Palace. A study of local government suggests a fairly extensive network of him clerks and elected people do not always obey the governor. However, beginning soon the peasant war and the difficulties of combating the rebels prompted the tsarist government to try to strengthen the centralization and concentration of power. Voivod, thus became the sole representative of the central government in the county.

Keywords: voevoda, local government, the Middle Volga, Temnikov, Insar, Mordovia region, Provincial Control System

Особенностью организации государственной службы в городах и уездах пограничных территорий Российского государства в XVI–XVII вв., к которым относился и Мордовский край, было то, что с самого начала управление ими осуществлялось воеводой, которого назначал Разрядный приказ для выполнения административно-военной службы.

Воеводская служба была доходной, поэтому часто назначению на должность предшествовала челобитная, в которой, например, писалось: «Царю, государю и великому князю Михайло Федоровичу всея России бьет челом холоп твой Гришка Бортняков. Службишко мое, холопа твоева, из городы и из волости. Милосердный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея России, пожалуй меня холопа твоево, вели государь мне быть в Темникове на Микитино место Колычова, а Миките двор в Темникове сдать...

Царь государь, смилуйся, пожалуй...» [РГАДА, ф. 210, ед. хр. 181, л. 83]. С середины XVII в. правительство стало выдвигать особые требования к поступающим на эту службу. В 1661 г. был принят указ, по которому на воеводство можно было назначать только раненых и бывших в плену людей [7, т. 1, № 295]. Право занимать этот пост подтверждалось грамотой царя, выдаваемой приказом Казанского дворца, которая тоже была типичной. После перечисления титулов царей следовали строки: «В нынешнем 7165 (1657) году, февраля в 21 день по указу великого государя... велено быть на Инсарской черте, в Инсарском пригороде стольником Ивану Яковеву с товарищи на Петрово место...» [РГАДА, ф. 210, ед. хр. 694, л. 59–60]. Границы полномочий и сфера деятельности воеводы определялись в наказе, выдаваемом также приказом Казанского дворца.

Составление наказов в качестве инструкций по управлению краем каждому новому воеводе, отправлявшемуся в наиболее крупные центры Среднего Поволжья, вошло в практику еще в XVI в. Но документов данного периода осталось немного. В XVII в. воеводская система управления окончательно оформилась, что можно проследить по наказам воеводам. Рассмотрим подробно группу наказов, данных воеводам средневожских городов в XVII в., поставив в центр изучения указы от 1628 г. в Арзамас, от 1684 г. в Темников и Инсар [РГАДА, ф. 210, ед. хр., 40. л. 178–185; 6; 9, ед. хр. 116. С. 1–12].

В основной части любого наказа обычно затрагивалось следующее:

1) общепроцедурные вопросы (процедура вступления в должность нового воеводы, порядок приема дел от прежнего воеводы, составление акта о принятии казенного имущества);

2) социально-политические вопросы управления и военные обязанности воеводы (определение общих принципов и задач управления, отношение к нерусскому населению, разрядные и поместные дела);

3) обязанности хозяйственно-экономического характера и финансового управления;

4) судебно-полицейские права и обязанности.

Кроме того, была дополнительная часть, в которой давались указания относительно конкретных вопросов управления, так или иначе выходящих за рамки основной части или дополнявших ее определенными поручениями. Необходимо отметить, что основное внимание все же было направлено на военную сферу, и все гражданские функции воеводы, кроме сбора налогов, в конечном счете были подчинены именно этим интересам.

Основными военными обязанностями воевод были: содержание крепости в постоянной боевой готовности, контроль за «городовым нарядом» и ратными людьми, составление списка служилых людей города и уезда. Так, в наказе инсарскому воеводе Ивану Кугушеву указывается «по именным спискам служилых и всяких чинов людей пересмотреть с оружием

всех на лицо, чтобы никто ни за ково подставою у смотру и на службе нигде не быть, да и ружье у них и у ружья замков, потому ж пересмотреть за казенным пятном сполна ль у всех государево казенное ружье, мушкеты и карабины, и ладунки, и натруски, и шпаги» [9, ед хр. 116, с. 1]. В руках воевод была сконцентрирована вся военная власть в уезде в мирное время и исключительная власть в городе во время военных действий, когда в помощь мог быть прислан полковой воевода. Так, в наказе от 1684 г. специально отмечалось, чтобы «по инсарской засеке подле валу и иных засечных крепостей держать сторожи частыя, и служилых людей на те сторожи посылать переменясь по сколько человек пригожо без переменно» [9, ед хр. 116, с. 3].

Воеводы всех понизовых городов должны были «ссылаться» друг с другом. Инсарский воевода передавал известия и переписывался с ломовским, керенским и атемарским воеводами, атемарский – с инсарским и карсунским. Кроме того, необходимо было «языков и выходцев и полоненников про всякие вести проспрашивая писать о том, про спросные речи и их самих присылать к Великим Государям к Москве» [9, ед хр. 116, с. 5].

В случае нападения на уезд воевода обязан был организовать оборону: собрать ратных людей, укрепить сооружения и «прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи, над теми воинскими людьми поиск учинить». Основной задачей воеводы в этот период было не пропустить татар через засечную черту. Особо указывалось на необходимость беречь людей: «...на засеку и в степь воинских людей не посылать, для того чтобы малыми людьми не соититца и людей бы не потерять» [9, ед хр. 116, с. 4–5].

Местное управление во главе с воеводой оберегало город и уезд не только от «воинских людей», но и от «лихих, воровских, разбойных, беглых», строго следило за тем, чтобы таковые не проживали на подведомственной территории, проводило их поиск и передачу сыщикам. В судебно-полицейских делах воевода руководствовался Указом великого государя и Соборным уложением. Всех приезжих допрашивали в приказной избе, писали «распросные речи»: как зовут, откуда родом, кто родители, где в настоящее время живут, цель появления в уезде. Если «в ком чаять смуты или воровскаго заводы и тех людей распрашивать и по распросу, буде который доведетца, велеть сажать в тюрьму» [9, ед хр. 116, с. 10].

Воевода имел почти исключительные полномочия и в отношении уголовных преступлений, к которым относились и массовые выступления против властей. В деятельности воевод явно прослеживается функция подавления недовольных. А.Д. Градовский по этому поводу заметил: «...Полицейский характер воеводского управления выражался довольно сильно... в пресечении и преследовании преступлений. Эта сторона полицейской его деятельности проникала даже в его судебную деятельность, сообщая

последней какой-то полицейский характер» [2, с. 432]. Виновных по грамоте воеводы искали и в других городах и уездах и с караулом приводили на суд к месту совершения преступления. Так, в 1669 г. темниковский воевода просит саратовского прислать в Темников «оговорных людей... на очную ставку для подлинного розыску» [9, ед хр. 1170, с. 1].

Большие судебные полномочия имели воеводы понизовых городов и в сфере гражданского судопроизводства. Так, если воеводы обычно имели право суда по искам размером до 20 рублей, и лишь в виде исключения воеводам больших городов разрешалось судить дела по искам до 100 и более рублей, то воеводы городов, подведомственных приказу Казанского дворца, имели право судить все дела без исключения. Так, по инсарскому наказу 1684 г. воеводе предписывалось «всяких служилых и жилецких людей во всяких управных делах судить и расправы меж ими чинить» [9, ед хр. 116, с. 11]. Основанием для суда по гражданским делам служили челобитные, которые писались, как правило, на имя царя и могли подаваться по желанию просителя или воеводе уездного города, или приказным людям в Москве. Сохранилось большое количество челобитных от горожан во всех приказных избах городов Мордовского края.

В военных целях воеводы должны были организовывать и исполнение земских повинностей населения, к которым относились: постройка и починка городских укреплений и правительственных зданий, ремонт засечной черты и дорог, ямская повинность. Города Мордовского края были построены на стратегически важных дорогах (Крымской и Московской), поэтому ямская повинность, обеспечивавшая транспортную связь в государстве, имела здесь особое значение. В Темникове Ямская слобода была создана по царскому указу еще в 1591 г., но «ямские охотники разбрелись разно от ногайских людей», поэтому в 1629 г. по указу царя воевода Василий Толстово вновь восстанавливает ям, так же, как он был устроен прежде. Для ямской гоньбы (сообщения) должно было содержаться 30 подвод [3, с. 231].

Основной задачей воеводского управления было: «Государевыми делами радеть и промыслять, во всем Великим Государем искать прибыли, которая прибыль впредь Великим Государем была прочна» [9, ед хр. 116, с. 12]. Особое беспокойство у царской власти вызывало настроение нерусской части местного населения (мордвы, татар и черемис). Опасаясь их недовольства, правительство предупреждало воевод о необходимости следить за тем, «чтобы им подьячие и приставы, и толмачи, и всякие русские люди, иноземцы, напрасных продаж и никакова насильства не чинили и ничем их не обидели, и объездов лишних не имали». Воеводам также предписывалось «к мордве и новокрещенам, и к крестьянам держаться ласки и привет, и бережение и во всем их оберегать». Но в то же время

они должны были контролировать и взаимоотношения крещеного и некрещеного населения, чтобы «мордва русских людей и литовского полону белорусцев, всяких чинов людей крещеных, во дворех и за двору у себя не держали. И из города в город не свозили. И не продавали, и не побивали, а держали у себя мордва, во дворех и за двору, всяких вер некрещеных иноземцев» [6].

Таким образом, воеводская система управления в понизовых городах носила военный характер. Среди выделенных функций преобладали следующие: обеспечение безопасности, транспортной связи, организация сторожевой службы. Однако нельзя говорить о сосредоточении воеводской власти только в городах. Она распространялась и на уезд, что становится видно при изучении системы местного управления.

Кроме ведомства воеводы, управлявшего чертой и уездом и подчинявшегося непосредственно приказу Казанского дворца, во вновь возникавших городах создавались и другие управленческие органы. Местное управление представляло собой достаточно разветвленную сеть, состоящую из приказных и выборных людей. К приказным людям, например, относились: головы (стрелецкий, казацкий, осадный, засечный и др.), сотники, сборщики налогов, приставы, приказчики (дворцовых сел и ямских слобод) и т.д.; к выборным – таможенные и кабацкие головы, различные целовальники (таможенные, кабацкие и т. д.), старосты (кабацкие, земские, отдельных деревень) и др.

Основные функции местного управления были сконцентрированы в приказных и съезжих избах. Судя по обнаруженным документам, их функционирование началось в Темникове в 1557 г., Атемаре – 1639 г., Саранске – 1651 г., Инсаре – 1648 г., в Шишкеевском острожке – 1651 г. В приказных избах рассматривались управленческие и крепостные дела, не требующие судебного разбирательства (заключение крепостей, выдача хлебного и денежного жалованья чиновникам и солдатам, комплектование уездного войска, решение земельных вопросов). Подьячие составляли основу административного аппарата воеводского управления, занимаясь делопроизводством, и занимали почти одинаковое с воеводой положение. В любом случае один из подьячих обязан был присутствовать при решении воеводой всех сколько-нибудь ответственных дел. В царских грамотах, направляемых в города Мордовского края, имена подьячих, как правило, стоят рядом с именем воеводы.

Засечные, стрелецкие, казацкие головы, назначавшиеся из Москвы, находились во главе уездного войска, передавали воеводам «поручные» (поручительство) записи на новобранцев и вместе с ними решали различные военные вопросы, в том числе и по увеличению ратных сил. Головам подчинялись сотские, сотни делились на пятидесятни и десятни, во главе которых стояли соответственно пятидесятники и десятники. При назначении головы получали наказ, который мог выдаваться Московским приказом, но мог, по распоряжению

приказа, даваться и воеводой. Так, наказ засечному голове Чижовских ворот Темниковской черты Тляшу мурзе Кутыеву в 1626 г. был дан темниковским воеводой по наказу из приказа Казанского дворца. В этом наказе определялись организация сторожевой службы и обороны ворот, а также территориальные границы: «Тляшу мурзе у тех ворот стоять бережно и осторожно и ссылаться ему на заставу с головою с Иваном Мерлиным, и посылати ему от себя из сотни мурз и татар в проезжие станицы до речки до Ломовя и до иных до дальних урочищ, по скольку человек пригоже, и велети им проведывати про крымских и ногайских воинских людей и про русских воровских казаков подлинно, чтоб пришед, воинские люди Темниковского уезду не повоевали и над городом какого урона не учинили» [5, с. 41]. Давались инструкции и на случай внезапного прихода врага: «А буде чае приходу крымских и ногайских воинских людей или русских воровских казаков, на темниковскую Украину и к Темникову, и Тляшу мурзе тем подъезжикам велети к себе бежати на спех, днем и ночью, чтоб им поспети наперед приходу воинских людей. Да про те вести Тляшу мурзе писати в город в Темников по тому ж тотчас, а самому ему, смотря по людям, с ними биться и над ними поиск чинить, сколько милосердный Бог подаст помочи» [5, с. 42].

В каждом городе существовали также губная изба и тюрьма с определенным количеством приказных (губных старост, сыщиков, недельщиков, стряпчих) и выборных людей (целовальников). Они выполняли функции полицейских (арест и допрос обвиняемых, передача дел в суд и т.п.) и подчинялись непосредственно Москве. Сыщики вместе с солдатами занимались поиском нарушителей правовых норм во вверенных им населенных пунктах. Губной староста выносил приговоры и решения, рассматривал спорные крепостные акты, распоряжался о вводе во владение недвижимого имущества как по наследству, так и по купчим, закладным, дарственным записям. Такими полномочиями он был наделен Указом от 23 января 1627 г. [1, с. 253]. В губные старосты избирали только местных дворян, обязательно грамотных и оставленных от службы по старости или болезни. Избирались они на всесословных уездных съездах и ведали не местные земские, а общегосударственные дела по важнейшим уголовным преступлениям.

Во всех городах и острогах Мордовского края существовали еще таможенная и житничная избы, кружечный и питейный дворы, которые не подчинялись воеводскому управлению, сами отчитывались перед Москвой. Во главе их стояли выборные люди: таможенные и кабацкие головы, целовальники, смотрители и др. Наказы головам давались по образцу воеводских. Иногда они посылались непосредственно выборным головам, а иногда помещались в указе воеводе, распоряжавшемуся их выборами, который и выдавал наказ голове. Воевода, как следует из наказов, должен был следить, чтобы не брали с торговых людей лишнего, и осуществлять надзор за сбором таможенных пошлин.

Правительство попыталось пресечь самоуправство воевод путем ограничения срока деятельности последних. В 1672 г. был принят указ о запрещении назначения воевод в те же города, где находились их поместья и вотчины: «...шতোбы них тех городов служилым и жилецким, и уездным людем по не дружбе утеснения, а по дружбе винным потачки не было» [7, т. 1, № 508]. Правительство стремилось контролировать деятельность местной власти, требуя беспрекословного и точного исполнения указов, несоблюдение которых, а особенно хищение государственной казны, грозило конфискацией имущества и ссылкой. Одной из мер пресечения незаконных действий было упоминание в наказах каждому воеводе о возможных наказаниях в случае злоупотребления властью. Так, инсарскому воеводе князю Ивану Кугушеву указывалось: «Буде он, князь Иван, будучи на государевой службе на Инсаре делом радеть не учнет, или Государевым, чем учнет корыстовать, ... и посылы и поминки иметь... за то от Великих Государей быть в великой опале» [9, ед. хр. 116, с. 12].

На протяжении XVII в. наказы воеводам становятся все более конкретными, что говорит об усложнении системы воеводского управления. А факты многочисленных злоупотреблений на местах свидетельствуют о все большей бесконтрольности воевод. В фондах местных приказных изб встречается множество документов о злоупотреблениях воевод и подьячих. Так, из челобитной 1683 г. соборного дьякона города Темникова Иакова Федорова на воеводу Алексея Михайловича Блохина следует, что тот «чинил великие налоги и разорения городским и уездным людем для своей проклятой мзды», отпустил без розыска вора с украденным у дьякона медом и «хвалился» дьякона «убить и без великих государей», а «городовые руги уморить голодною смертию» [РГАДА, ф. 1167, оп. 1, ед. хр. 762, л. 3–7].

Яркую характеристику противоречий воеводской формы управления дал А.Д. Градовский. Он писал: «Первое противоречие воеводской должности заключалось в непомерной власти его как исполнительного агента московского приказа и в бессилии его как самостоятельного администратора. Воевода, так сказать, всякий раз приводился в движение указом из Москвы; в противном случае он бездействовал... Наказом определялось отношение воеводы главным образом к приказу, выдавшему этот наказ. Другие приказы находились к воеводе в отношениях крайне неопределенных, что вело к большой “волоките” в исполнении их предписаний» [2, с. 400–401]. Как отмечает И.П. Ермолаев, воеводская система управления являлась промежуточной и «неминуемо должна была заключать в самой своей основе многие противоречивые свойства, так как она сохраняла еще многое от прежней власти, но несла уже в себе зародыш будущей» [4, с. 162].

С целью унификации системы управления, снижения числа злоупотреблений и роста недовольства населения в 1669 г. в «Новоуказных статьях», принятых в дополнение к «Соборному уложению», была сделана попытка несколько ограничить власть воевод. Они

были отстранены от участия в уголовном судопроизводстве, которое полностью перешло в руки сыщиков и подчиненных им губных старост из дворян и детей боярских [7, т. 1. № 144, с. 774]. Более того, губные старосты и сыщики, подчинявшиеся Разбойному приказу, стали совершенно независимы от воеводского управления.

Однако начавшаяся вскоре крестьянская война под руководством Степана Разина и трудности борьбы с восставшими побудили царское правительство попытаться усилить централизацию и концентрацию власти. В 1677 г. был издан указ об отмене практики периодической смены воевод в городах – отныне без специального царского указа запрещено было сменять воевод и приказных людей [7, т. 2, № 704, с. 143]. В 1679 г. во изменение «Новоуказных статей» от 1669 г. была сделана попытка соединить всю власть в уезде в руках воеводы [7, т. 2, № 779, с. 219–220]. Указом этого же 1679 г. были упразднены многие должностные лица приказного управления, в том числе сыщики, губные старосты, ямские приказчики, осадные, пушкарские, засечные и житничные головы [7, т. 2, № 779, с. 219]. Воевода, таким образом, стал единственным представителем центральной власти в уезде.

Список литературы

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 3. 1613–1645. – СПб., 1836. – 496 с.
2. Градовский А. Д. История местного управления в России // Собр. соч. Т. 2. – СПб., 1899. – 480 с.
3. Документы и материалы по истории Мордовской АССР: в 3 т. Т. 1, ч. 2. – Саранск, 1950. – 583 с.
4. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление казанским краем). – Казань, 1982. – 223 с.
5. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 23. – Тамбов, 1889. – 131 с.
6. Пензенские губернские ведомости. – 1891. – № 248.
7. Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. Т. 1–2. – СПб., 1830.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 210, Московский стол, ед. хр., 40. л. 178–185; ед. хр. 181, л. 83; хр. 694, л. 59–60.; ф. 1167, Темниковская приказная изба, оп. 1, ед. хр. 762, л. 3–7.
9. Рукописный фонд Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Сектор истории. Ед хр. 116; Ед хр. 1170.

Рецензенты:

Богатырёв Э.Д., д.и.н., профессор кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», г. Саранск;

Емелькина И. А., д.ю.н., профессор зав. кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», г. Саранск.